

ИРИНА ТАРАСОВА

Из одного
букет *цветка*
не составишь

Ирина Тарасова

Из одного цветка букет не составишь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21097292
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

"В яркий теплый августовский день особенно чувствуешь свое одиночество. Тем более когда тебе двадцать с таким «хвостом», что еще немного и он завернется в ноль, а изящный изгиб двойки перейдет в спаянные полуокружности тройки. Что скрывать? Мне двадцать восемь и, как в песне, которую очень любила первая жена моего отца: все подруги по парам, и только я засиделась одна..." Что нужно для счастья и где его искать? А может, судьба готовит нам неожиданные сюрпризы совсем рядом?

Ирина Тарасова

Из одного цветка букет не составишь

В яркий теплый августовский день особенно чувствуешь свое одиночество. Тем более когда тебе двадцать с таким «хвостом», что еще немного и он завернется в ноль, а изящный изгиб двойки перейдет в спаянные полуокружности тройки. Что скрывать? Мне двадцать восемь и, как в песне, которую очень любила первая жена моего отца: все подружки по парам, и только я засиделась одна.

Это так, но не совсем. Действительно, две мои закадычные подружки разошлись по рукам, а если тактичнее – обзавелись мужьями, но и я не куковала. Просто Валька и Томка законно вышли замуж и даже родили по младенцу, а я свое золотое невестино времечко провела с мудаком, который парил мне мозги целых шесть лет, но так и не развелся. Мало того, на днях я узнала, что его жена родила ребенка. Третьего по счету.

Вот я и высказала ему все, что нужно было сказать давным-давно: пусть мой ненаглядный, раз он такой козел, катится ко всем чертям, а именно – к законной супруге и малым деткам, пусть меняет памперсы и греет бутылочки в лоне государственно зафиксированной ячейки общества. Я

умываю руки. Так я ему и сказала: «Пора и мне позаботиться о своем стабильном будущем. И так я кучу времени на тебя, козлину, потратила. Если уж ты удосужился обречь не меня, а свою законную, я умываю руки, и уже на чистенький пальчик надену вскорости обручальное колечко». И еще я добавила, что у меня уже есть на примете один молодой и неженатый. На что мой уже бывший только растянул губы во всю ширину своей лощенной сорокасемилетней хари и покачал своей лысеющей макушкой. Не поверил, гад. Правда, я сама виновата – опять, как дура, покраснела. Не умею врать – и это мой главный недостаток.

Новоиспеченный папашка даже попытался сунуть мне в нос загодя припасенные астрочки с тещинового огорода. Так я этим погаными цветочками по его щекастой морде прошлась по русскому обычаю: раз-два-три. А он ничего... Только поиграл мягкими своими плечиками, похмурил ершистые бровки и даже попытался пошутить. «Чем бы дитя не тешилась... Все равно позовешь. Не в первый раз».

Он прав: не в первый, и даже не во второй... За время нашего знакомства было у нас пара-тройка серьезных размолвок. Только на сей раз всему действительно конец. Навсегда. Папашку розовопопого младенца надо вернуть в лоно его ставшей многодетной семьи. Я знала, что со старшей его дочкой бы почти ровесницы, средняя закончила престижный лицей и в университет зачислена, а единственного наследника надо будет растить и растить... Вот пусть и займет-

ся этим многотрудным, но благородным делом.

С этими благими намерениями я выставила своего любовника, с которым провела почти год в любовном угаре и еще пять лет в ритуально-привычной любовно-сексуальной связи. Обдумывая свое новое положение одинокой женщины, я всю ночь прорыдала белугой и только под утро заснула.

Проснулась после полудня – лицо словно куртка на синтапоне, волосы – торчком во все стороны, синяки под глазами. А главное – гнетущее чувство обреченного одиночества, пронзительное и острое, как визг пилы.

Дотянувшись до пульта, я включила телевизор. Похожая на стерву актриса уныло пыталась выразить интеллект на недавно подтянутом лице. Щелк – мужики привычно-хладнокровно мутузили друг друга на ринге. Щелк – шоу-миллионер устраивал дачный уют на личных паре-тройке гектаров. Мутотень и скука на всех каналах.

Наконец я нашла нечто подходящее: лощеный мужик ест-пьет-нахваливает в каком-то жутко дорогом ресторане. Рубашка на мужичке отутюженная, галстук-бабочка, пухленькие пальчики без обручального кольца. Выпил, закусил и пригласил на собеседование. Он, мол, предлагает работу за рубежом. Высшее образование, можно неполное (у меня – три курса начфака), знание английского (ple-e-ase), танцевальная подготовка (полтора года хореографической студии). Крупно по весь экран номер телефона.

Чтобы не перепутать черкнула на листочке и тут же на-

брала заветные шесть цифр.

– Алло, вас слушают, – сказал кукольный голос.

– Когда можно на собеседование прийти?

– Лет?

– Не знаю... Сначала месяца на три...

– Вам сколько лет? – в кукольном голосе проскользнула обида.

– Двадцать... – Я поперхнулась.

– Значит, незаконченное?

– Три курса педагогического, – поспешила я сказать полную правду. – Немножко танцую, рисую, английский...

– Можете сейчас подъехать?

– Yes! I am sure...

– Пишите.

На том же клочке бумаги, я записала адрес: Комсомольский проспект, 28. В номере дома, совпадающем с моим возрастом, я увидела добрый знак. Все остальные числа оказались случайными, и ничего не предвещали. Пятнадцатый этаж, офис 159.

Трубка отключилась, я соскочила с дивана. «Почему бы нет?! – взвилась я. – Поеду в чужестранные дали, где живут-поживают и в ус не дуют несчитанные холостые-неженатые, встречу там своего суженого-ряженого, и будем жить-поживать да добра наживать».

Не позволяя себе задуматься о деталях моего скоропалительного плана, я встала под душ, вымыла, высушила, рас-

чесала, подвела и накрутила. Наконец, окинув себя с ног до головы беглым, но вполне дружелюбным взглядом, я бодрым шагом направилась в большой мир.

Недавно отец отдал мне свою старенькую «Ладу Калину». Хорошая машина, немного строптивая, но мы с ней ладим. Я села в свою ненаглядную «ладушку», крутанула ключик. Моторчик ободряюще заурчал. Его тихий рокот сродни мужскому баритону еще больше вселил в меня уверенность.

Взглянув в зеркало заднего вида, я осталась вполне довольна своей физиономией с вполне приличным макияжем и тщательно скрытыми под тональным кремом веснушками. Я поиграла плечами, но мышцы спины были словно каменными. Потянув рычаг, я заставила машину сдвинуться с места. Моя старенькая «ладушка-калинка» показалась мне более послушной, чем собственное тело. Продолжая ощущать скованность мышц, я нажала на нужную кнопочку – стекло медленно опустилось. Запах нагретого солнцем городского асфальта показался мне приятным. Чуть крутанув руль вправо, я выползла на шоссе и прибавила скорость.

Шины шуршали успокаивающе монотонно, как дождь. Я взглянула вверх. Небо сияло глянцевой лазурью – ни облачка. Открыточный позитив солнечного дня вселял в меня уверенность. Я перешла на вторую скорость, косясь на таблички с названием улиц. Наконец на бесконечно-серой стене затенявшего весь квартал строения, я увидела крупно выведенную черным цифру 28. Это было вытянувшееся ввысь не ме-

нее чем в два десятка этажей грязно-бездушное здание из стекла и бетона, спроектированное, вероятно, в глубокие застойные времена архитектором-номенклатурщиком в период жесточайшего похмельного синдрома.

Припарковавшись за углом, я направилась к входу, миновав уличное кафе с пластмассовыми столиками и рассеявшись под полотняными зонтами парочками. И опять я почувствовала себя жутко несчастной. «Вот ведь люди встречаются, – думала я, – пьют свой кофе, любезничают, заигрывают, обсыпают друг друга комплиментами, а я, как дура, иду сама по себе, и ни одна сволочь даже «здрасьте» не скажет».

С этими невеселыми мыслями я потянула на себя стеклянную дверь, предъявила паспорт заслуженному седовласому вахтеру и согласно направлению его указующего перста подошла к стене с тремя дверьми.

Ужасно не люблю закрытое пространство лифтов и предпочитаю простор лестничных площадок, даже если приходится шагать по невымытым ступеням и вдыхать отнюдь не пахнущий озоном воздух. Но нужный мне этаж оказался пятнадцатым, и я обреченно нажала на мигнувшую кнопку. Лифт толчками, словно спотыкаясь, пополз вверх.

В приемной офиса под номером сто пятьдесят девять женщины с кукольным голосом не оказалось, так что путь в кабинет с табличкой «директор» был открыт. Беспрепятственно я надавила на рычаг дверной ручки, дверь открылась, и я вошла в светлую, узкую комнату с длинным столом, кожа-

ным креслом и десятком стульев. У громадного, чуть ли не во всю стену, окна стоял мужик в мятой рубашке и, потягиваясь, чесал под мышками.

– Можно? – робко подала я голос.

Мужик резко опустил руки и кинулся к креслу, где с поникшими, как крылья, рукавами висел цвета голубинового оперения пиджак.

– Почему без доклада? – проворчал он, продевая руки в рукава-крылья. В пиджаке, скрывшем выбившуюся из брюк рубашку, он выглядел намного лучше, а когда сел за массивный стол, то стал похож на самого себя в рекламном ролике – эдакий мужчинка-душка, золотое сердце.

– По телевизору реклама... Я на работу... Английский, танцую... – залепетала я, с каждым вымолвленным словом понимая, что своим неожиданным вторжением произвела наименее выгоднейшее для себя впечатление.

– Запись на собеседование у секретаря, – сказал мужчинка и, вероятно для солидности, вынул из кармана ручку фирмы «Parker», наверняка с золотым пером.

– Секретарши нет, а я здесь, – нашлась я.

Мужчинка приподнял свои похожие на выщипанные брови, постучал престижной ручкой по столешнице и, не мигая, уставился на меня. Вероятно, он думал.

– Ладно, – сказал он, опять засовывая ручку в карман пиджака и откинувшись на спинку кресла. На его лице появилось выражение приценивающегося покупателя. – Сколько лет?

Образование? Профессия?

– Двадцать... два, – пролепетала я и покраснела. Больше я решила не врать – неприятно это, да и убедительно не получается. – Незаконченное, факультет начальных классов педагогического университета, – добавила я уверенней. – Хочу стать дизайнером.

– А мы тут причем? Нам нужны девушки для баров, гостиниц. – Он сделал паузу. Взгляд, каким он окинул всю меня сверху до низу, мне не понравился. – Хорошо танцуешь? – спросил он и пошевелил указательным и средним пальцем.

– Сольные партии исполняла, – вскинув подбородок, гордо ответила я.

– Сольные, говоришь? – Мужчинка-душка надул и без того пухлые губы, и в его круглых глазах появился блеск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.